12+

Вероника Мишина

Академия Пяти Стихий: Запретный Гримуар

В самом сердце столицы бьется пульс древней магии

Вероника Мишина

Академия пяти стихий: Запретный Гримуар

«Издательские решения»

Мишина В.

Академия пяти стихий: Запретный Гримуар / В. Мишина — «Издательские решения»,

В день 12-летия жизнь сироты Никиты рушится: в его руках вспыхивает фиолетовое пламя, а из тени нападают жуткие монстры. Магистр Всеволод спасает мальчика и увозит в Академию Пяти Стихий, скрытую в самом сердце Москвы. Никита зачислен на факультет Огня, но его редкий дар пугает даже профессоров. Чтобы раскрыть тайну исчезновения родителей, Никите и его новым друзьям предстоит спуститься в соляные катакомбы Китай-города и запечатать Запретный Гримуар, пока силы Бобра не погрузили мир во тьму.

© Мишина В.
© Издательские решения

Содержание

Введение: Хранители и Тени 6
Искры в темноте 7
Китай-город и невидимый мост 10
Колыбель Стихий и Выбор Огня 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Академия пяти стихий: Запретный Гримуар

Вероника Мишина

© Вероника Мишина, 2026

ISBN 978-5-0071-6157-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение: Хранители и Тени

Обычные люди — или, как их называют в Академии, «непосвященные» — наивно полагают, что знают Москву вдоль и поперек. Они спешат по неоновым проспектам, стоят в бесконечных пробках на Садовом кольце и пьют кофе в модных кофейнях Китай-города, даже не подозревая, что творится у них под ногами.

Они не замечают, как старинные кирпичные усадьбы в темных переулках иногда слегка подрагивают, словно живые. Не видят, что густые ноябрьские туманы над Яузой пахнут не сыростью, а озоном и жженой карамелью. И уж точно никто из них не знает, что в самом сердце старой столицы, за барьером невидимых чар, скрывается Академия Пяти Стихий.

Десять лет назад, холодным осенним вечером 2016 года, в этих подземных лабиринтах произошло то, о чем старожилы Академии до сих пор вспоминают с содроганием.

Древний орден Теневых Магов подошел вплотную к своей главной цели — Соляным катакомбам под Ивановской горкой. Тьма, соткавшаяся из вековых человеческих страхов и обид, бурлила в подземных залах, грозя прорвать барьер и выплеснуться на мирные улицы живого города. Теневикам нужен был Запретный Гримуар — книга колоссальной силы, способная навсегда погасить свет пяти стихий и впустить Бездну в мир.

На их пути встали двое. Великий мастер Огня Илья Воронов и его супруга Елена, управлявшая Воздухом. У них не было огромной армии, но было то, ради чего стоило сражаться — их маленький сын, оставленный в безопасном месте под защитой мощных чар сокрытия рода.

В ту ночь Илья и Елена совершили невозможное. Из последних сил они запечатали проход к Гримуару своей кровью и магией, растворившись во тьме Соляных подвалов. Проход закрылся, Теневой Орден отступил, а книга уснула на долгие десять лет.

Но у любой магии есть свой срок. Чары сокрытия были рассчитаны ровно до того дня, когда наследнику исполнится двенадцать. Время пришло. Книга просыпается, Теневые Маги снова сгущают силы в московских подворотнях, а фиолетовое пламя Изначального Огня уже ждет своего часа под кожей обычного детдомовского мальчишки…

Искры в темноте

Никита никогда не любил свои дни рождения. В детском доме №4 этот день означал лишь одно: ты стал на год старше, а шансов, что за тобой придут приемные родители, стало еще меньше. Сегодня ему исполнялось двенадцать.

Вечер опустился на серые московские улицы, размазывая свет редких фонарей по мокрому асфальту. Никита сидел на подоконнике в пустой спальне мальчиков, прижавшись лбом к холодному стеклу. Внизу, за глухим забором, шумел вечно спешащий город — скрежетали трамваи, сигналили машины, а люди под зонтами казались сверху безликими темными каплями.

В кармане заношенной толстовки что-то кольнуло. Никита выудил оттуда помятую поздравительную открытку — единственное, что досталось ему от воспитательницы Марины Ивановны, которая дежурила в прошлую смену. На открытке был нарисован какой-то нелепый улыбающийся медведь с тортом.

— С праздником меня, — тихо прошептал Никита.

Внутри него шевельнулась привычная, глухая обида. Почему у всех есть кто-то, а у него — никого? Кто были его родители? Почему они оставили его здесь, в этой комнате с казенными двухъярусными кроватями и запахом хлорки?

Он сжал открытку пальцами. Вдруг в груди, прямо под сердцем, стало горячо. Это не было похоже на злость или волнение. Это было физическое, осязаемое тепло, которое стремительно потекло по венам вверх, к плечам, локтям и, наконец, сосредоточилось в самых кончиках пальцев.

Кожа на ладонях зудела так, словно он прикоснулся к оголенному проводу.

— Что за… — Никита не успел договорить.

Из-под его ногтей с сухим треском вырвался сноп ярких, фиолетовых искр. Они не были похожи на искры от бенгальского огня — они двигались плавно, словно крошечные светящиеся мошки, и пахли озоном и жженой карамелью. Одна из искр упала на открытку. Пороховая вспышка — и плотный картон мгновенно превратился в горстку невесомого пепла, даже не обжегши Никите пальцы.

Никита вскрикнул и отшатнулся от окна, кувыркнувшись с подоконника на пол. На паркете остался едва заметный черный след. Он в ужасе уставился на свои ладони. Они были абсолютно целы, только слегка подрагивали, а в воздухе все еще кружились несколько фиолетовых светляков, медленно тающих в темноте.

— Эй, сирота, ты чего там шумишь? — в дверях показалась растрепанная голова Кольки, местного задиры. Он щелкнул выключателем, и комнату залил резкий желтый свет. — Опять сам с собой разговариваешь?

Колька прищурился, глядя на пепел, кружащийся в воздухе, и на черное пятно у подоконника.

— Ты что, курил тут? Ну всё, я сейчас директору скажу…

Он не успел договорить. Прямо за его спиной, в темном коридоре детского дома, раздался странный, ни на что не похожий звук. Как будто кто-то с силой захлопнул тяжелую старинную книгу. На секунду лампочка под потолком вспыхнула с такой силой, что Колька зажмурился, а затем комната погрузилась в абсолютную, звенящую темноту. Но это была не просто темнота от выключенного света.

Воздух в коридоре стал ледяным. Никита почувствовал, как волоски на его затылке встали дыбом. Из темноты, прямо за спиной замершего Кольки, начали отделяться длинные, густые тени, которые неестественно медленно поползли по стенам, отрезая путь к выходу.

Тьма в коридоре не была пустой. Она казалась плотной, жидкой, словно в узкое пространство детдомовского коридора вылили цистерну черной туши. Колька, еще секунду назад собиравшийся бежать к директору, застыл на пороге. Его рот глупо приоткрылся, а глаза округлились от ужаса.

— Н-Никит… это ч-что? — прозаикал задира, пятясь назад и наступая Никите на кроссовки.

Из черного марева в конце коридора соткались три фигуры. У них не было лиц — лишь антрацитовые силуэты, сотканные из клубящегося дыма, и леденящие душу провалы глаз, в которых мерцал холодный фиолетовый огонь. Точно такой же, каким минуту назад горели искры на ладонях Никиты. Только этот огонь не грел, а дышал могильным холодом.

«Оно пришло за тобой, Воронов», — прошелестел беззвучный голос прямо в голове у Никиты. Звук был похож на шуршание сухих листьев по могильной плите. — *«Сын Огня должен вернуться в тень».*

— Уйдите! — крикнул Никита, выставляя руки вперед.

Внутри него снова закипела та самая горячая волна. Но от страха магия повела себя иначе. Вместо аккуратных фиолетовых мошек из его ладоней со свистом вырвался сплошной поток яростного, багрово-красного пламени. Огонь ударил в наступающие тени. Коридор озарился адским наводнением света, старый паркет под ногами мгновенно обуглился. Тени с шипением отпрянули, их дымные тела начали истончаться, но они не исчезли. Напротив, они начали сливаться в одну огромную, уродливую антропоморфную массу под самым потолком.

— Мама… — Колька окончательно потерял самообладание, повалился на пол и закрыл голову руками, скуля от ужаса.

Никита тяжело дышал. Ладони горели так, словно их опустили в кипяток. Пламя погасло, оставив после себя густой едкий дым. Проход был заблокирован огромным теневым монстром, который уже заносил над мальчиками когтистую лапу, сотканную из ночного мрака. Никита зажмурился, понимая, что второй раз вызвать огонь он просто не успеет — силы стремительно покидали его, оставляя лишь звон в ушах.

Вдруг воздух в комнате завибрировал. Хлесткий, оглушительный звук, похожий на удар пастушьего кнута, разорвал тишину.

Секундой позже в стену между Никитой и теневой тварью вонзилась тонкая трость с набалдашником в виде серебряного сокола. От трости во все стороны разошлась ослепительная волна чистого, белого света. Свет этот не горел, но тени коснулись его и с истошным, беззвучным воплем начали распадаться на мелкие черные хлопья, которые тут же таяли в воздухе.

— Не вовремя у вас каникулы заканчиваются, молодые люди, — раздался спокойный, слегка ироничный мужской голос.

Никита открыл глаза. Тьма рассеялась, уступив место обычному полумраку мартовского вечера. В дверном проеме стоял высокий мужчина в безупречном темно-синем пальто, несмотря на весеннюю слякоть. На его голове красовалась старомодная, но идущая ему шляпа, а в руке он держал ту самую трость, которая теперь выглядела как самый обычный деревянный аксессуар. На вид мужчине было около пятидесяти: аккуратная седая бородка, проницательные серые глаза и едва заметная улыбка на губах.

Мужчина перешагнул через всхлипывающего Кольку, подошел к Никите и внимательно осмотрел его обожженные рукава толстовки.

— Фиолетовый спектр первородного. Надо же, генетика — упрямая вещь, — тихо произнес незнакомец, скорее самому себе, чем мальчику. Затем он повернулся к Кольке, слегка взмахнул ладонью, и тот мгновенно обмяк, погрузившись в глубокий, мирный сон. — Ему полезно поспать. Завтра он решит, что это был плохой сон от просроченного йогурта в столовой.

— Вы… вы кто? — Никита прижал руки к груди, готовый в любой момент снова защищаться, хотя внутри всё дрожало от усталости. — Что это были за штуки?

— Штуки, мой дорогой Никита — а я знаю, что тебя зовут именно так, — называются младшими вестниками Теневого Ордена. И если бы не датчики магических флуктуаций на Китай-городе, которые зафиксировали твой… эм, салют, мы бы сейчас разговаривали в гораздо менее приятном месте.

Мужчина снял шляпу и слегка поклонился.

— Позволь представиться. Магистр Всеволод, директор Академии Пяти Стихий. И я пришел, чтобы забрать тебя домой. Точнее туда, где был дом твоих родителей.

Никита застыл. Слово «родители» подействовало на него сильнее, чем нападение монстров.

— Вы знали их? — его голос сорвался на шепот.

— Знал, и очень хорошо, — взгляд Всеволода на секунду стал бесконечно грустным. — Но здесь нам оставаться нельзя. Теневики пробили барьер этого здания, они вернутся с минуты на минуту. У тебя есть ровно тридцать секунд, чтобы взять то, что тебе дорого, и пойти со мной. Хотя, как я вижу, всё твое имущество уместилось в пепел на подоконнике. Идем?

Никита оглядел пустую, унылую спальню, спящего на полу Кольку, который три года отравлял ему жизнь, и перевел взгляд на протянутую руку магистра. В этой руке была тайна его прошлого.

— Идем, — твердо сказал Никита и сделал шаг вперед.

Китай-город и невидимый мост

Они вышли через черный ход детского дома. Странно, но ни дежурная на вахте, ни охрана у ворот словно не замечали ни Никиту, ни его странного спутника. Люди просто отводили глаза, будто смотрели на пустое место.

— Отворотное кушанье, — пояснил Всеволод, заметив удивление мальчика, когда они садились в припаркованный у обочины черный премиальный седан. — Самое простое заклинание Эфира. Заставляем непосвященных думать, что перед ними фонарный столб или мусорный бак. Очень помогает в московских пробках.

Машина тронулась, мягко шурша шинами по мокрому асфальту. Никита прильнул к окну. Москва мелькала мимо яркими вывесками, неоновыми огнями и спешащими толпами. Всё казалось абсолютно обычным, и от этого становилось еще более не по себе. Как в этом привычном мире могло существовать то, что он только что видел?

— Магистр Всеволод, — нарушил молчание Никита. — Мои родители… они правда были магами? Как я?

— Не совсем как ты, Никита, — Всеволод крутил руль, уверенно лавируя в потоке машин на Садовом кольце. — Твой отец, Илья Воронов, был великим мастером Огня. Он мог заставить цвести каменные стены, согревая их изнутри. Твоя мать, Елена, управляла Воздухом. А вот ты… то, что я видел в комнате — фиолетовый огонь — это не просто стихия. Это первородное пламя, смешанное с частицами Эфира. Редчайший дар. И опаснейший.

— А где они сейчас? Почему они оставили меня в детдоме?

Всеволод долго молчал, всматриваясь в лобовое стекло, на которое падали первые капли весеннего дождя.

— Десять лет назад произошел раскол, — наконец тихо произнес он. — Древний орден Теневых Магов попытался прорвать барьер, разделяющий наш мир и Бездну. Твои родители были среди тех, кто удерживал рубеж. Они ушли на задание в катакомбы под старой Москвой и… не вернулись. Тел никто не нашел. Но перед уходом Илья наложил на тебя чары сокрытия, чтобы Теневики не нашли тебя. Чары должны были спать до твоего двенадцатилетия. Сегодня они спали. И мир узнал, что наследник Вороновых жив.

Машина резко свернула в один из темных, извилистых переулков в районе Китай-города. Здесь, вдали от шумных проспектов, старинные купеческие особняки стояли вплотную друг к другу, дыша вековой историей.

Всеволод затормозил перед глухой кирпичной стеной, за которой, судя по карте, должен был быть тупик.

— Приехали, — сказал магистр, выходя из машины.

Никита вышел следом, поеживаясь от сырого ветра. Они стояли перед глухой кирпичной кладкой старого здания XIX века. Вокруг не было ни души.

— И где Академия? — спросил Никита. — Мы врежемся в стену, как в кино?

— Кино портит вкус хорошими спецэффектами, — усмехнулся Всеволод. Он подошел к стене и коснулся тростью одного из кирпичей, на котором едва заметно был выбит символ — пятиконечная звезда, заключенная в круг. — Смотри не глазами, Никита. Смотри тем теплом, что у тебя внутри.

Никита прикрыл глаза. И вдруг почувствовал, как от кирпичной стены исходит мощная волна тепла. Воздух вокруг задрожал. Когда он открыл глаза, кирпичи перед ними начали плавиться, словно восковые, раздвигаясь в стороны и открывая проход в огромный, залитый мягким светом кованых фонарей внутренний двор.

За проходом высилось величественное здание из темного камня с готическими шпилями, причудливо переплетенными с элементами старорусского зодчества. Огромные дубовые двери были украшены изображениями языков пламени, капель воды, завихрений ветра и глыб земли.

— Добро пожаловать в Академию Пяти Стихий, Никита, — торжественно произнес Всеволод. — Твой новый дом. И твоя главная крепость.

Колыбель Стихий и Выбор Огня

Внутренний двор Академии казался пространством, вырванным из самой истории.

Пока за невидимым барьером мартовская Москва задыхалась от слякоти и выхлопных газов, здесь, под огромным прозрачным куполом чар, царила мягкая, теплая осень. Под ногами шелестели сухие золотые листья, а воздух пах сушеной лавандой и старыми книгами.

— Магический купол удерживает стабильный микроклимат, — пояснил Всеволод, ведя Никиту по широкой гранитной аллее к массивным дверям. — Иначе наши студенты из Сибири замерзали бы на практических занятиях по Воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.